

Иран и иранцы в восприятии удмуртских писателей в 1950–1970-е годы

<https://doi.org/10.31483/r-151368>

УДК 821.511.131:008(55)

Шибанов В. Л.

Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук г. Ижевск, Российская Федерация.

ID <https://orcid.org/0000-0002-6769-7258>, e-mail: shibvik@rambler.ru

Резюме. В удмуртской литературе 1950–1970 гг. значимое место занимает образ Ирана. В настоящее время, в эпоху глобального противостояния с Западом и разворотом к Востоку, эти произведения начинают раскрываться новой стороной. Объектом анализа являются художественные тексты Г. Симакова, М. Покчи-Петрова, Г. Ходырева и В. Владыкина. Цель исследования — изучить и выявить особенности рецепции Ирана в удмуртских текстах 1950–1970 гг. Ведущим методом исследования является описательно-аналитический с привлечением приемов рецептивной критики. В результате исследования автор приходит к следующим выводам: Г. Симаков в своих рассказах и пьесе «За Копет-Дагом» изобразил жизнь Ирана в годы Второй мировой войны — в период реализации программы ленд-лиз. В текстах имеются недоговоренные события, которые легко конкретизируются современным читателем. М. Покчи-Петров и Г. Ходырев, имевшие контакты с иранскими студентами-актерами, ищут точки соприкосновения удмуртской и иранской культур. Обращение удмуртских поэтов (В. Владыкина) к персидской культуре (например, к рубаи) призвано расширить границы национальной поэзии, в которой преобладали риторичность и декларативность. Иран в 1950–1970 гг. стал одним из важнейших мостов между удмуртской литературой и Востоком.

Ключевые слова: удмуртская литература, Иран, рецептивная критика, рубаи, Восток и Запад.

Для цитирования: Шибанов В. Л. Иран и иранцы в восприятии удмуртских писателей в 1950–1970-е годы // Этническая культура. 2025. Т. 7, № 4. С. 42–47. DOI 10.31483/r-151368 EDN MGKUUI

Research Article

Iran and Iranians as Perceived by Udmurt Writers in the 1950s–1970s

Victor L. Shibanov

Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Izhevsk, Russian Federation

ID <https://orcid.org/0000-0002-6769-7258>, e-mail: shibvik@rambler.ru

Abstract. The image of Iran occupies a significant place in Udmurt literature of the 1950s–1970s. Works about Iran are beginning to reveal new facets in our time, in an era of global confrontation with the West and a turn to the East. The object of this analysis is the literary texts of G. Simakov, M. Pokchi-Petrov, G. Khodyrev, and V. Vladykin. The aim of the study is to examine the reception of Iran in Udmurt texts of the 1950s–1970s. The primary research method is descriptive and analytical, utilizing receptive criticism techniques. The results of the analysis are as follows. In his stories and play “Beyond Kopet-Dag”, G. Simakov depicted life in Iran during the Great Patriotic War, during the Lend-Lease program. The texts contain many unexplained passages and events that are easily fleshed out by the modern reader. M. Pokchi-Petrov and G. Khodyrev, who had contacts with Iranian student actors, seek points of contact between Udmurt and Iranian cultures. The appeal of Udmurt poets (V. Vladykin and others) to Persian culture, for example, to rubai, is intended to expand the boundaries of national poetry, in which rhetoric and declarativeness prevailed. Iran became one of the most important bridges between Udmurt literature and the East in the period 1950–1970.

Keywords: Udmurt literature, Iran, receptive criticism, rubai, East and West.

For citation: Shibanov V. L. (2025). Iran and Iranians as Perceived by Udmurt Writers in the 1950s–1970s. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 7(4), 42–47. EDN: MGKUUI. <https://doi.org/10.31483/r-151368>

Введение

В отечественном литературоведении тема Востока вновь стала актуальной в связи с обострением отношений России с Западом. В этих условиях новыми гранями начинают раскрываться и удмуртские художественные произведения, в которых изображаются восточные страны — Китай, Индия, Вьетнам и др. Примечательно, что в 1950–1970 гг. в ряде удмуртских текстов особое место начинал занимать Иран (до 1935 г. — Персия), но удмуртская критика не оценила их по достоинству. В то же время в русском литературоведении иранистика развивалась вполне продуктивно, обзор работ по обозначенной проблематике проделал Масуме Мотамедния, он высоко оценил труды Д. Комиссарова, М. Рейнер и А. Ардашниковой, все же при этом отмечая, что несмо-

тря на значительные успехи, «иранистам есть еще над чем работать» [Мотамедния, 2021, с. 367].

В 1950–1970 гг. в удмуртской литературе интерес к Ирану объясняется прежде всего верой писателей в то, что вскоре эта страна освободится от неоколониалистических путей и выберет социалистический путь развития. Симпатией к Ирану и его жителям пронизаны произведения Г. Симакова, служившего в этой стране в годы Великой Отечественной войны. Он написал несколько рассказов на восточную тему и пьесу «Копет-Даг съёрын» («За Копет-Дагом»). С иранскими студентами общался М. Покчи-Петров, обучавшийся в 1951–1956 гг. на режиссера в ГИТИСе в Москве, об одном из таких встреч вспоминал поэт Г. Ходырев. М. Покчи-Петров в своем стихотворении «Мёзмись сюлэм» («Скучающее сердце»)

показал внутренние переживания парня из-за границы. Интерес к восточной стране проявлялся и опосредованно, например, начинаящий прозаик Р. Валишин восторженно отзывался в своем дневнике за 1957 г. о романе армянского писателя Г. Севунца «Тегеран» и его мастерстве передачи внутреннего состояния врача Азади¹. Приверженцем лирических и философских четверостиший был поэт А. Белоногов, он начал писать в 1970 гг. стихи, близкие к рубаи. Рассказ современного иранского писателя Хосроу Шахани «Ву тудъыса» («После наводнения», перевод Ф. Овчинникова) был напечатан в юбилейном номере республиканского журнала «Молот» (1970, № 11), посвященном 50-летию образования Удмуртской государственности. В рассказе говорится о том, как иранские чиновники бесцеремонно присваивают гуманитарную помощь, направляемую со всего мира потерпевшим природное бедствие².

Несмотря на наличие добротного текстового материала, иранская тема не привлекала исследователей удмуртской литературы как в советские годы, так и в постперестроечное время. Например, венгерский ученый П. Домокощ в своем капитальном труде «История удмуртской литературы» рассматривает Г. Симакова лишь как детского писателя, наследующего традиции К. Герда³, о рассказах на иранскую тему и пьесе «За Копет-Дагом» не говорит ни слова. Т. Зайцева, подробно проанализировавшая удмуртскую прозу второй половины XX в., также оставила восточную тематику вне поля зрения. По ее мнению, огромный пласт текстов 1950–1960 гг. написан «по канонам примитивной парандной литературы, где трудно найти отражение подлинной жизни»⁴. Но вызовы современности наталкивают современного читателя на новые конкретизации знакомых произведений, в которых начинают обнаруживаться ранее не замеченные смыслы.

Материалы и методы исследования

Материалом для написания статьи послужили произведения Г. Симакова, М. Покчи-Петрова, Г. Хордырева и В. Владыкина, в текстах которых изображены Иран и его жители, имеются выходы на персидскую культуру.

Ведущим методом исследования является описательно-аналитический, включающий приемы рецептивной критики. В теоретическом плане особо значимы работы В. Изера⁵ и Г. Яусса⁶, дающие ключи к пониманию того, как читательский опыт, социокультурный контекст, «пустые места» в тексте и «горизонты ожидания» влияют на интерпретацию того или иного произведения.

¹ Валишин Р. Тодметъёс. Ижевск : Удмуртия, 1980. С. 253–254.

² Шахани Хосроу. Ву тудъыса // Молот. 1970. № 11. С. 53–58.

³ Domokos P. Az udmurt irodalom története. Budapest : Akadémiai kiadó, 1975. O. 499.

⁴ Зайцева Т. Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: национальный мир и человек. Ижевск : Удмуртский университет, 2009. С. 28.

⁵ Изэр В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория : антология. Москва : Флинта ; Наука, 2004. С. 201–224.

⁶ Яусс Г. История литературы как вызов теории литературы // Современная литературная теория : антология. Москва : Флинта ; Наука, 2004. С. 193–200.

Результаты исследования и их обсуждение

Процесс чтения удмуртских произведений на восточную тему вызывает двойственное чувство. Их авторы, с одной стороны, открывают своим читателям новые страны и культуры, но, с другой стороны, стремятся подчеркнуть в Востоке такие черты, которые приближают его к советской действительности. Первое из этих чувств хорошо раскрыл в рамках теории марксизма Н. Конрад, объяснив его как стремление к «преодолению европоцентризма»⁷; о втором писал Э. Сайд: «Для западного человека Восток всегда напоминал некоторые аспекты Запада. Так, для некоторых немецких романтиков индийская религия была в сущности восточной версией германо-христианского пантезма»⁸.

Видным удмуртским писателем, первым обратившимся к образу Ирана, является Григорий Симаков (1919–1996). Призванный на воинскую службу в 1939 г., он в 1941–1945 гг. находился частях, расквартированных в Иране, позже обеспечивавших реализацию американской программы ленд-лиза через Персидский коридор. Но вскоре начавшаяся «холодная война» внесла коррективы: бывшие союзники США и СССР стали идеологическими врагами, и писать об американской военной помощи стало нежелательным. Книга Г. Симакова «Зечбур, Родина!» («Здравствуй, Родина!», 1960) целиком посвящена изображению Ирана и его жителей. Нами обнаружен лишь один газетный отзыв о ней, в котором восторженно говорится о драме «За Копет-Дагом»: *Малы со сцена вылын улонэз уг адзы? Пуктыны ёй луысал шат сое? Луысал ук*⁹ (Почему пьеса не живет на сцене? Неужели нельзя ее поставить? Ведь можно же).

Тексты Г. Симакова полны недоговоренностей. Въезд советских воинов в Иран 23 сентября 1941 г. автор от первого лица объясняет решением СССР поставлять в голодающую страну гуманитарную помощь, а в это время фашистские войска приближаются к Москве. Автомобильные батальоны обратно пересекают границу в 1945 г. после того, как программа доставки пшеницы в Тегеран была реализована: *Советской калыклэсь Иранысь сютэмъёслы кузъымэз – чабеэз – Тегеранэ ворттон ыйлумъяське ни*¹⁰ (Вот и завершается доставка в Тегеран пшеницы — подарка советского народа иранским голодающим). В произведениях писателя практически не мотивировано появление американцев в зоне Персидского залива. Мальчик-сирота Бехар, нашедший приют у советских шоферов (рассказ «В гостях у русского солдата»), уверен, что его младшего брата, заснувшего на обочине дороги, задавил насмерть именно американский «Виллис». Лишь после перестройки стало возможным писать для широких слоев читателей о роли американцев и англичан в реализации программы ленд-лиза. Как отмечают А. Басов и Г. Гуденмахер, «к концу 1943 года в армии США в Персидском коридоре имелось свыше 41 тыс. гражданских служащих. <...>

⁷ Конрад Н. Запад и Восток. Москва : Главная редакция восточной литературы, 1972. 496 с.

⁸ Сайд Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / перевод с английского А. В. Говорунова. Санкт-Петербург : Русский Миръ, 2006. С. 106–107.

⁹ Хордырев Г. А., Коротов А. С. Калыклы – шудбур но эрик! // Советской Удмуртия. 1961. 8 января.

¹⁰ Симаков Г. Зечбур, Родина! Ижевск : Удмуртия, 1960. С. 19.

Путь по Персидскому коридору стал одной из важнейших коммуникаций Второй мировой войны¹¹. Г. Симаков в образе 15-летнего Бехара символизирует будущее Ирана, мальчик считает своим кровным врагом местного богача Вахаби и американских офицеров: *Ванъ улытозям, соосты каргало*¹² (Буду проклинать их всю свою жизнь), иранец жалеет, что не родился в Советском Союзе).

Рассказ Г. Симакова «Оскон» («Надежда»), напечатанный в 1971 г., тоже полон недоговоренностей. Но повествователь здесь использует «пустое место» в качестве композиционного приема. Иранский бедняк Джрафар, чтобы спасти тяжело больную жену Фатиму, обращается к местному доктору Тахари, но получает отказ в афористичной форме: *Пунылэн сизым лулыз. Нылкынолэн но сизым лулыз... Номыр но уз луы соин*¹³ (У собаки семь душ. И у женщины семь душ. С ней ничего не случится). Фатиму все же излечивают: его спасителем становится русский военный врач Иван Тарасов, человек другой веры. В рассказе не говорится, как удалось Джрафару попасть в воинский гарнизон русских, с какой целью они находятся в Иране, было ли организовано сопровождение врача в бедняцкое жилище. Симаков интригует удмуртского читателя вынесением этого эпизода за пределы сюжета, а после излечения Фатимы словно «забывает» рассказать о том, что было пропущено им. Ведь женщина спасена, родившуюся ее дочь называют Надеждой в честь матери Ивана Тарасова, погибшей от рук фашистов. Удмуртский писатель подчеркивает, что в Иране принято благодарить не столько самого человека, сколько родившую его маму.

Наиболее значимым произведением Г. Симакова об Иране и иранцах является драма в трех действиях «Копет-Даг съёрын» (1951, 1960). Сюжет пьесы легко вписывается в привычные каноны социалистического реализма. Трудящиеся Ирана борются с угнетателями и их заокеанскими хозяевами. Главный герой пьесы Мамед, получивший специальность инженера в СССР, за организацию демонстрации попадает в руки жандармов. В finale пьесы его спасают от расстрела свои же товарищи. В пьесе нет русских героев, но произведение насквозь пронизано любовью к Советскому Союзу и русскому народу. Первый вариант пьесы «Копет-Даг съёрын» был опубликован в коллективном сборнике «Калык куара» («Голос народа», 1951). Г. Симаков после разоблачения культа личности И. В. Сталина переработал текст и имя вождя оставил лишь в одном месте — в озвучивании по радио призыва о салюте в честь освобождения Севастополя. Экономический контекст (борьба за нефть) уступил место идеологическому — борьбе американцев против тех иранцев, которые сочувствуют СССР.

Но за привычными схемами могут прочитываться и другие смыслы, рецепция знакомых произведений при этом становится другой, более приближенной к реальной жизни. При анализе коми советской драматургии Н. Горинова отмечает: «В XXI в. взгляд на антирелигиозные пьесы В. Савина меняется, демократизация общественных отношений позволяет раскрыть новые

¹¹ Басов А., Гутенмахер Г. Персидский коридор // Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 29–30.

¹² Симаков Г. Указанное сочинение. С. 8.

¹³ Симаков Г. Оскон // Молот. 1971. № 2. С. 44.

грани творческого наследия писателя, вывести его из узких рамок сугубо антирелигиозного понимания пьес» [Горинова, 2023, с. 79]. Удмуртская драма создавалась в период, когда шла осткая идеологическая борьба, и Г. Симаков вольно или невольно включился в нее. Книга англичанина В. Колларза «Россия и ее колонии» (1952) была направлена и против национальной политики Удмуртской АССР, в разделе «Удмурты: “столица” против народа» утверждалось, якобы республика является колонией, т. е. государственным образованием, направленным против удмуртов¹⁴. Г. Симаков в пьесе «За Копет-Дагом» не соглашается с подобного рода утверждениями и говорит о том, что западная демократия в Иране является по сути орудием утверждения неоколониализма. Не случайно герой его пьесы Мамед заявляет: *Утемед потэ ке калыкедэлэс национальной культуры — вамишты коммунистысын чоши*¹⁵ (Если хочешь сохранить национальную культуру своего народа, то шагай вместе с коммунистами).

Современных читателей драмы Г. Симакова может разочаровать игнорирование автором контекста великой персидской культуры. Так, инженер Мамед пишет стихи своей возлюбленной Сусанне, но нигде не говорит о творчестве О. Хайяма, Саади, Низами, Заратустры, Фирдоуси, что способствовало бы усилению его образа. «То, что эти имена не звучат в тексте пьесы, по-своему отражает уровень понимания Востока удмуртской интеллигенцией в конце 1950-х годов»¹⁶, другими словами, национальный читатель и зритель еще не были готовы к углубленному восприятию Востока и его культуры. В то же время Г. Симаков оправдывает другое ожидание удмуртской аудитории: она привыкла, что начало конфликта между противоборствующими сторонами обычно разворачивается при изображении массовых сцен (на свадьбе, во время праздника, в том числе колхозного). Для этого автор пьесы «За Копет-Дагом» показал небольшой тегеранский ресторан с джаз-оркестром, в котором столкнулись Мамед и его друг Харри с американскими офицерами.

Продолжительная работа Г. Симакова над своей пьесой полностью подтверждает мысль, высказанную екатеринбургскими литературоведами: «Литература вольно или невольно поддерживала государственные замыслы, мифологизировала их, фиксировала приметы их воплощения, наконец, эмоционально переживала разочарование, связанное с незавершенностью проекта» [Литовская, Созина, 2023, с. 56]. Г. Симаков, доживший до 1996 г., уже не возвращался к своему произведению, драма «За Копет-Дагом» так и не была поставлена на удмуртской сцене.

Михаил Покчи-Петров (1930–1959) изобразил образ иранца-студента в стихотворении «Мёзмись сюлэм» («Скучающее сердце»). Произведение можно условно разделить на две части: в первой лирический герой говорит об иностранном парне, во второй части этот

¹⁴ Kolars W. Udmurts: a “capital” versus a people // Kolars W. Russia and Her Colonies. London, 1952. P. 53–55.

¹⁵ Симаков Г. Зечбур, Родина! Ижевск: Удмуртия, 1960. С. 74.

¹⁶ Шибанов В. Ирано-американско противостояние в призме удмуртской идентичности в пьесе Григория Симакова «За Копет-Дагом» // Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика. Казань, 2024. С. 413.

герой обращается в форме «я» к собеседнику удмурту: *Эх тон, удмурт эши мынам, / уд тодйськы, дыр, сюлэм-ме* (Эх ты, друг мой удмурт, / не поймешь, наверно, мое сердце). Портрет иранца традиционен: *съёд-съёд бабля йырсиосыз, лякыт учкись съёд синъёсыз¹⁷* (черные кудрявые волосы, спокойно-задумчивые черные глаза). Поэтому создается пространственная оппозиция *здесь* (в Москве) и *у себя на родине* (в Тегеране). Хотя М. Покчи-Петров и увлекался в то время стихами С. Есенина, но в тексте никаких аллюзий на «Персидские мотивы» нами не обнаружено. Герой-иранец вспоминает своих родителей, оставшихся дома, он обеспокоен новостями, пришедшими с родины: *Тани толон Тегеранын / нош эшиёсты ыбыллям¹⁸* (Вот вчера в Тегеране / опять расстреляли товарищей).

Для М. Покчи-Петрова было важным донести до удмуртского читателя, что в Иране идет борьба трудящихся с угнетателями, но силы еще не равны: *Уз сёто кыл но ве-раны — / шудтэм на калыкмы милям¹⁹* (Не дают и слова сказать — / несчастен еще наш народ). Удмуртский поэт в своем гражданско-патриотическом стихотворении «Скучающее сердце» не злоупотребляет устоявшимися клише, просоветские идеи говорит человек из-за границы, который верит в силу и будущее Советского Союза. Поэтическое обобщение делается на конкретном примере через изображение обычной беседы двух друзей.

То, что встречи удмуртского поэта с иранцами были не случайными, подтверждает следующий факт. М. Покчи-Петров, студент Института театрального искусства им. А. В. Луначарского, в 1954 г. работал вместе со студентами-актерами из Ирана над постановкой фрагмента удмуртской драмы «Тулкымъяске лыз зарезь» («Волнуется синее море»), написанной В. Садовниковым и М. Трониным. Выбор этого текста обусловлен, судя по всему, тем, что эту пьесу в 1953 г. перевел на русский язык В. Басаргин как одну из лучших современных драматургических произведений Удмуртии.

Об одной из постановок этого фрагмента рассказал поэт Герман Ходырев, приехавший в начале июля в Москву и якобы случайно заставший эту постановку на сцене ГИТИСа на Арбате. Эти воспоминания были напечатаны им в книге «Зеч визъ-кенеш котъку дуно» («Добрый совет всегда дорог», 1989). Г. Ходырев выражает удивление, что удмуртскому студенту, его другу Михаилу, доверили работать с иностранными актерами. Он не менее изумлен, что иранские студенты довольно удачно показали национальное своеобразие удмуртов: *Зуч кылын сокем ик вольыт уггес ке но пёрмы верасъкемзы, геройёссылэс мылкыдзэс Иранысь егит артистъёс умой возыматыны быгатайзы²⁰* (Хотя русское произношение у них еще не было гладким, внутренний мир своих героев молодые артисты из Ирана смогли раскрыть хорошо). Постановка длилась, отмечает Г. Ходырев, в течение десяти минут, иранская девушка и парень исполняли роль агронома и бригадира. Заметим,

Г. Ходырев был одним из тех, кто положительно отзывался о драме Г. Симакова «За Копет-Дагом».

Следующий важный шаг в диалоге удмуртской литературы с Ираном (шире — персидской культурой) сделали поэты В. Владыкин и А. Белоногов. В 1970 гг., когда все еще преобладала декларативность, эти авторы стали раздвигать жанровые границы национальной лирики, обращаясь к восточным формам, прежде всего к рубаи. Перед нами не прямое подражание или копирование стихов О. Хайяма и других классиков, а интуитивное приближение к каноническому восточному жанру. Так, А. Белоногов лишь в 1990 г. заявил о своем творческом диалоге и споре с О. Хайямом, написав цикл из 19 рубаи «Ныиль чуро кабен. Омар Хайямез лыдзыса» («В форме четырех строк. Читая Омара Хайяма»). В его четверостишиях 1960–1970 гг., написанных пятистопным ямбом и близких к рубаи, жанр не обозначен, да и каноническая рифмовка ааба, аaaa не соблюдена. Можно по-разному относиться к этим опытам, но права Д. Загидуллина, заметившая, что «непоследовательное следование канонам, изменение их в угоду национальных традиций словесности» является плодотворным приемом в развитии поэзии и проявлении этнокультурного самосознания [Загидуллина, 2022, с. 322].

Владимир Владыкин (родился в 1943 г.) — поэт и этнограф, закончивший Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, стажировался в 1974–1975 гг. в Берлинском университете и тогда же в составе экспедиции в качестве переводчика побывал в Афганистане и Индии. Для этнографа афганская культура тесно связана с таджикской и персидской, а в этническом прошлом Индии важную роль играет индоиранский компонент. По возвращении в Удмуртию В. Владыкин задумал опубликовать свои впечатления в журнале «Молот», но встретился с вполне предсказуемой проблемой: удмуртский читатель 1970 гг. еще не был готов к интеллектуальному разговору о Востоке. Свои воспоминания В. Владыкин напечатал в экзотической и шутливой форме, а научные размышления о дихотомии Восток – Запад написал в поздних работах.

В двуязычном сборнике стихов В. Владыкина «Марлы кырза тюрагай = Отчего поет тюрагай»²¹ (1980) примечательны стихотворения-четверостишия, напоминающие рубаи. Достойны внимания, например, следующие строки: *Ворекъя адями — кизили, / ноожтырске адями — низыли, / кышитыртэ адями — кузыли, / нош улэ дун-нейн — Адями!*²² (Блистает человек — звезда, / пресмыкается человек — червь, / копошится человек — муравей, / но живет на этом свете — Человек!). Рифмовка стихов вполне соответствует требованиям рубаи: аaaa, хотя более распространенной является форма ааба. Удмуртский автор ставит вопрос о том, каким должен быть настоящий человек — человек с большой буквы. Не принижая роли тех, которым приходится ползать и копошиться, в то же время не возвышая тех, которым уготовано стать звездами, автор четверостишия прославляет людей, стремящихся раскрыть свой внутренний потенциал.

¹⁷ Покчи-Петров М. Тодматсон. Ижевск : Удмуртской книжной издательство, 1956. С. 28.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Ходырев Г. Зеч визъ-кенеш котъку дуно. Ижевск : Удмуртия, 1989. С. 61.

²¹ Тюрагай (удм.) — жаворонок.

²² Владыкин В. Марлы кырза тюрагай = Отчего поет тюрагай. Ижевск: Удмуртия, 1980. С. 18.

В этих стихах, как и во всем сборнике «Отчего поет тюрагай», нет декларативных и идеологически клишированных произведений, в них человеческая личность начинает рассматриваться как центр вселенной.

В. Владыкин не мог не воспользоваться еще одним приемом, приближающим его к поэзии Востока. В удмуртском языке слово *гажанэ* (моя любимая)озвучно имени Шаганэ, широко известному по циклу С. Есенина «Персидские мотивы». Лирический герой В. Владыкина, обращаясь к возлюбленной в своем стихотворении «Гажанэ тон мынам, гажанэ...»²³ («Любимая ты моя, любимая...»), фактически обыгрывает есенинское «Шаганэ ты моя, Шаганэ», образ «гажанэ» встречается в удмуртском стихотворении шесть раз. Перед нами не только проявление «толерантности по отношению к инокультурным реалиям» [Алексеева, 2024, с. 5], но и одновременное переплетение в тексте удмуртской (цветок *италмас* — купальница), иранской (имя Шаганэ) и русской (стихи С. Есенина) компонентов, образующих единое целое.

Во второй половине 1970 — начале 1980 гг. интерес удмуртских писателей к Ирану значительно ослаб. Ушел из жизни М. Покчи-Петров, он неудачно прыгнул в воду и сломал позвоночник. Г. Симаков полностью перешел на прозу для детей, его иранские произведения так и не были оценены по достоинству. Г. Ходырев в поэме «Ворты тон, валэ!» («Скачи, мой конь!», 1980) в качестве представителя из-за границы изобразил мальчика Луиса из Чили, более значимого для нового поколения юных читателей. Притягательная сила персидского Востока ослабла, возможно, и из-за начавшейся в 1980 г. ирано-иракской войны.

²³ Там же. С. 44.

Список литературы

Алексеева А. Рецепция «чужого пространства» в циклах С. А. Есенина «Персидские мотивы», А. В. Ширяевца «Бирюзовая чайхана», С. М. Городецкого «Ангел Армении» // Вестник Ивановского государственного университета. 2024. Выпуск 3. С. 5–11. DOI [10.46726/H.2024.3.1](https://doi.org/10.46726/H.2024.3.1). EDN [OJFZUY](#)

Горинова Н. Кomi драматургия в зеркале революции: некоторые аспекты становления и развития национального драматургического искусства в первой трети XX века // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Том 17. № 1. С. 77–86. DOI [10.35634/2224-9443-2023-17-1-77-86](https://doi.org/10.35634/2224-9443-2023-17-1-77-86). EDN [AGTBNE](#)

Загидуллина Д. К проблеме классификации современной татарской поэзии: жанровый канон и деканонизация // Казанский лингвистический журнал. 2022. Том 5. № 3. С. 300–324. DOI [10.26907/2658-3321.2022.5.3.300-324](https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.300-324). EDN [BJJNNV](#)

Литовская М., Соzина Е. Екатеринбург – Свердловск: литературные метаморфозы образа города в свете утопических проектов // Уральский исторический вестник. 2023. № 3. С. 55–64. DOI [10.30759/1728-9718-2023-3\(80\)-55-64](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-3(80)-55-64). EDN [ADQXXV](#)

Масуме М. История освоения персидской литературы в России // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 4. С. 366–367. DOI [10.24412/1991-5497-2021-489-366-367](https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-489-366-367). EDN [FWHHXD](#)

References

Alekseeva, A. A. (2024). Reception of "Foreign Space" in the Cycles of S. A. Yesenin "Persian Motifs", A. V. Shiryaevts «Turquoise Teahouse», S. M. Gorodetsky "Angel of Armenia". *Ivanovo State University Bulletin*, 5-11. EDN: [OJFZUY](#). <https://doi.org/10.46726/H.2024.3.1>

Gorinova, N. V. (2023). Komi drama in the mirror of the Revolution: some aspects of the formation and development of national stage art in the first third of the 20th century. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 17(1), 77-86. EDN: [AGTBNE](#). <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2023-17-1-77-86>

Zagidullina, D. F. (2022). To the problem of classification of modern Tatar poetry: genre canon and decanonization. *Kazan linguistic journal*, 5(3), 300-324. EDN: [BJJNNV](#). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2022.5.3.300-324>

Litovskaya, M. A., Sozina, E. K. (2023). Ekaterinburg – Sverdlovsk: literary metamorphoses of the city image in the light of utopian projects. *Ural historical journal*, 3, 55-64. EDN: [ADQXXV](#). [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-3\(80\)-55-64](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-3(80)-55-64)

Masoumeh, M. (2021). The development of Persian literature in Russia: methods, techniques, significance. *The world of science, culture and education*, 4, 366-367. EDN: [FWHHXD](#). <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-489-366-367>

Выходы

Иран стал одним из мостов, соединивших в 1950–1970 гг. Удмуртию с Востоком. Значимую роль сыграли и личные знакомства национальных писателей с представителями этой страны, тем не менее не переросшие в масштабные межкультурные проекты. Поэтому в приобщении к восточному миру важен не столько результат, сколько сам процесс художественного диалога.

В жителях Ирана удмуртские писатели видели близких себе людей, полагали, что восточная страна вскоре может выбрать социалистический путь развития, и этим оправдывали «горизонт ожидания» своих читателей. В качестве персонажей, символизирующих Иран, чаще всего изображались люди молодого поколения: Мамед и Сусанна («За Копет-Дагом»), Бехар («В гостях у русского солдата»), герой стихотворения М. Покчи-Петрова «Скучающее сердце», студенты-актеры в воспоминаниях Г. Ходырева и др. Несмотря на небольшое количество текстов, образ иранца проявился в разных жанрово-видовых формах — в драме, рассказе, стихотворении, воспоминаниях. Важны поэтические опыты В. Владыкина в жанре, близком к рубаи.

В удмуртских произведениях 1950–1970 гг. об Иране, особенно у Г. Симакова, встречаются неясные эпизоды, своеобразные «пустые места», объясняемые идеологической борьбой между США и СССР, нежеланием автора пропагандировать роль американцев в осуществлении программы ленд-лиза через Персидский коридор. Современный читатель может легко восполнить эти пробелы и еще раз убедиться в актуальности размышлений Г. Симакова (и не только его) о том, что лишь в тесном союзе с русским народом иранцы могут надеяться на безопасность и свое светлое будущее.

Информация об авторе

Шибанов Виктор Леонидович – кандидат филологических наук, доцент, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, г. Ижевск, Российская Федерация;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6769-7258>;
e-mail: shibvik@rambler.ru

Поступила в редакцию 31.10.2025

Принята к публикации 19.11.2025

Опубликована 21.11.2025

Information about the author

Victor L. Shibanov – Cand. Sci. (Phil.), associate professor, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6769-7258>;
e-mail: shibvik@rambler.ru

Received 31 October 2025

Accepted 19 November 2025

Published 21 November 2025